

Экран и сцена. — 1998. — янв. — фев. (№ 4) — с. 7.

Мы собрались в Белом зале СК, чтобы вспомнить Валерия Зубкова — как кто-то объявил, «композитора и человека». Вечер, надо сказать, получился на удивление бездарный. Видел бы его сам Валера, наверняка сказал бы: «Пердулетчики вы все, лапертутчики». Пересказывать — так вроде бы все хорошо было, сначала играл оркестр под управлением Сергея Скрипки, потом друзья вспоминали, кто что мог, выступали певцы и певицы, среди которых были, между прочим, Нани Брегадзе (Зубков ее обожал и при одном упоминании ее имени, говорят, становился на

колени — сама не видела, но вообще он такие вещи проделывал) и Тамара Гвердцители; показывали фрагменты из фильмов с его музыкой. А что касается выступлений... Кем только Валеру ни называли — я даже не все запомнила. То, что в заголовке, — компиляция из нескольких высказываний. Кто-то выдал определение «апельсины без кожуры», и это бы еще ничего. А вот один поэт поднатылся и сочинил такое: бывают люди, которые выпускают птиц, а другие выпускают скворечники, и эти скворечники пытаются летать, а все все равно видят, что летит скворечник. Понятно? Мне тоже непонятно.

Грустно все это. Тем более, что Валера Зубков был действительно очень хороший композитор и совершенно фантастический, нелепый, нежнейший человек. Я вообще не очень-то верю, когда о ком-нибудь с придыханием говорят: «Все так его любили, так любили!» — но Зубкова на самом деле любили все, кто знал.

Может быть, надо напомнить? Кажется, самая известная и всенародно любимая музыка — к фильму «Цыган». Еще «Приключения Тома Сойера», «Отцы и дети», «Большое приключение». Ну, и еще, конечно, много более или менее известных песен.

Все сказанное можете считать официальной частью. Мне не надо особого повода, но на этом вечере я так ясно вспомнила Валеру, а оттого, что на сцене все происходило так бездарно, очень захотелось нормально о нем поговорить.

Когда родился мой сын, Валеры уже не было. Он не единственный, кому я не смогла показать своего ребенка, но ни о ком, даже о родных, мы так не жалели. «Как Валера был радвался...» Он очень любил детей — не ворковать над ними, а вообще любил, что рождаются дети, пусть даже совсем чужие, даже не у друзей. Любить и радоваться было его естественным состоянием, Валера был человек восторженный. Ему нравилось принимать гостей и ходить в гости, он обожал дарить цветы — врвался в квартиру, падал на одно колено и преподносил. Потом, когда мы пришли с ним прощаться, я и он лежал во дворе своего дома, его сестра над ним плакала, звала его, кричала: «Валера, смотри, сколько тебе цветов принесли, смотри, пришли все твои друзья, ты всегда всем дарил цветы, а теперь тебе принесли.» Сколько же это лет прошло? Не помню, не меньше десяти, это

точно. Да и не все ли равно.

Мне трудно о нем говорить. Валера был такой хороший, что все, что о нем ни скажешь, может показаться фальшивым, но он же действительно был таким. И он был смешной. Единственная печальная история, которую я могу о нем рассказать, — это, что его больше нет рядом с нами, все остальные — веселые. И не то чтобы жизнь у него была такая уж безоблачная, просто он как-то так все поворачивал. Художник Виктор Чижиков, сосед Зубкова по площадке, рассказывал, как они познакомились. Им надо было — то ли сразу, как въехали, то ли перед тем, как въезжать, — убрать мусор из квартир. И вот заходит Чижиков к соседу за каким-то веником и видит: лежит на чисто подметенном полу человек и целует этот пол. Чижиков как-то там покашлял, чтобы привлечь к себе внимание, а Зубков вскочил с пола и говорит: «Я — композитор Зубков. Пошли на кухню, там у меня бу-

Зузу, птица без кожуры

тылка есть, колбаска.» За столом Чижиков осмелел и поинтересовался, что это такое сосед сейчас делал. Валера ему объяснил — когда он был молодым и ночевал на вокзале вместе со своим аккордеоном, то дал себе зарок: когда у него будет свой дом, он каждую паркетину в нем поцелует. «Ну вот, говорит, жилую площадь я уже всю перецеловал, а нежилую как-нибудь потом.» И таких баек у каждого, кто его знал, полным-полно.

Вообще я, когда поняла, что мне хочется про Валеру написать, собиралась власть порассуждать и о киномузыке, что это в ней такое бывает томительное и влекущее, ради чего иногда даже можно было смотреть какой-нибудь мексиканский сериал (именно было! сейчас уже ничем не заставишь). И о песенках — что за непонятное обаяние в них бывает, вот, например, у Дассена. А потом сразу как-то отвлеклась и стала вспоминать, как приходил Валера и говорил, что «написал шансон». И правда, шансон. Он вообще замечательно умел стилизовать, послушать хоть ту же музыку к «Тому Сойере».

А еще мне напомнили одну песню, которую Валера все время пел, а я умудрилась забыть; правда, как только напомнили, сразу услышала — про зверя Зузу, который пел «дубадам, дубадам, ах, ду-у-бадам». Но это грустно, а хочется закончить чем-нибудь повеселее. Вот уж какой грех за Валерой не водился — это уныние.

Я, конечно, знала, что у Валеры есть сын, знала, что композитор, что уже известный, но как-то и не виделась давно, и так особенно за ним не следила. А сейчас увидела. Ока-

зывается, он за это время стал до того похож на отца — оторопь берет. И еще оказалось, что многие песни, которые, как говорится, из каждого утюга звучат, написаны Игорем Зубковым. Так что жизнь продолжается. Но как грустно, что уже без Валеры.

Александра ВАСИЛЬКОВА